

УДК 821.111.0

DOI 10.52452/3033-7771.2026.1(1).6

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В ДИЛОГИИ Д. ЛЕССИНГ О БЕНЕ

© 2026

Ю.А. Шанина

Шанина Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской литературы Института филологического образования и межкультурных коммуникаций Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская федерация);
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3857-0749>; e-mail: shanina.julia.a@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 05.02.2026

Статья принята к публикации: 10.02.2026

Цель исследования – выявить формы репрезентации культурных традиций в художественной структуре романов Дорис Лессинг (1919–2013) «Пятый ребенок» («The Fifth Child», 1988) и «Бен среди людей» («Ben, in the World», 2000) с целью определения содержания культурного контекста, с которым соотносится диалогия в синхроническом и диахроническом аспектах, а также установить значения диалогических переключек с произведениями разных эпох для раскрытия проблематики произведений и их художественного своеобразия. Новизна исследования заключается в решении задачи комплексного анализа диалогии Д. Лессинг о Бене, что позволяет наметить пути творческой эволюции самой писательницы и определить место указанных произведений в истории английской литературы последней трети XX века. В результате исследования делается вывод о том, что замысел романов основан на синтезе документального, научно-популярного, мифологического и художественного материала. Использование автором различных форм интертекстуальных связей, устойчивых сюжетных моделей и типов героев, элементов мифопоэтики позволяет соотнести диалогию Дорис Лессинг с широким культурным контекстом, включающим художественные элементы средневековой суфийской притчи, мотивы и образы европейского фольклора и романа XVIII–XIX веков различной жанровой природы. В результате произведение вступает в сложный полилог как с предшествующей литературой, так и с современной автору культурой. Отношение писательницы к традиции двойственно. С одной стороны, для нее сохраняют актуальность социальный критицизм, взаимообусловленность социального и индивидуального, художественное осмысление

антропологических проблем,

-свойственные классическому английскому роману. С другой, автор разрушает гармонизирующую логику развития сюжета романа воспитания, опровергает оптимистический пафос просветительской философии: главному герою Бену так и не удается найти свое место в обществе и мире, в диалогии не намечены пути решения поставленных социальных проблем. По аналогии с суфийской притчей, Лессинг стремится опровергнуть стереотипные представления и вдохновить читателя на самостоятельный поиск ответов на фундаментальные вопросы о природе человечности, сострадания и цели существования.

Ключевые слова: английский роман, диалог культур, Д. Лессинг, «Пятый ребенок», «Бен среди людей», традиция.

Введение

Творческий путь знаменитой английской писательницы, Нобелевского лауреата по литературе 2007 года Дорис Лессинг (1919–2013) охватывает более полувека и связан со сложными поисками в области философии и эстетики. В отечественном литературоведении сложилась устойчивая традиция рассматривать наследие Лессинг преимущественно в контексте литературного процесса 1960–1970-х годов и развития движения феминизма, хотя идейные искания автора значительно выходят за его рамки. Ее позднее творчество (1980–1990-е годы) остается менее изученным, несмотря на его значимость и издание произведений этого периода на русском языке. Для данного этапа характерен существенный сдвиг философских ориентиров, в частности, увлечение писательницы идеями суфизма, что обусловило трансформацию ее поэтики и стиля. Наглядной иллюстрацией эволюции служит диалогия о Бене, состоящая из романов «Пятый ребенок» («The Fifth Child», 1988), «Бен среди людей» («Ben, in the World», 2000), создание которых разделяет существенная временная дистанция. В англоязычном литературоведении они вошли в канон ключевых произведений писательницы и регулярно фигурируют в монографических исследованиях о творчестве Лессинг как одни из наиболее выдающихся произведений, созданных ею [1; 2]. Но внимание научного сообщества к диалогии носило неустойчивый характер: первый всплеск интереса связан с публикацией каждой из частей, второй – с присуждением Лессинг Нобелевской премии по литературе в 2007 году. Кроме того, первая часть диалогии вызвала широкий общественный резонанс и стала поводом для дискуссии как среди литературоведов, так и читателей разных стран, вторая же оказалась

на периферии научных и читательских интересов. Эта тенденция продолжает сохраняться в англоязычном литературоведении последних лет, и нужно отметить вклад в осмысление разных аспектов поэтики и проблематики диалогии Лессинг работ таких исследователей, как У. А.-Л. Бревет [3], И. Гамалло [4], В. Тайгер [5], К. Хэнсон [6], в которых романы рассматриваются в контексте философии постмодернизма, трансгуманизма, психоанализа, феминизма, жанровых трансформаций, политики тэтчеризма. В целом история изучения романов о Бене охватывает более четверти века, но их интерпретация продолжает оставаться крайне противоречивой.

Диалогия как целостное художественное произведение, отличающееся единством авторского замысла, редко становилась предметом комплексного анализа. Этот пробел характерен как для зарубежного, так и для отечественного литературоведения. Таким образом, исследование диалогии о Бене как художественного единства представляется актуальной научной задачей, позволяющей проследить трансформацию эстетических принципов Лессинг в конце XX века.

Данная работа посвящена анализу форм репрезентации культурных традиций в художественной структуре романов Д. Лессинг «Пятый ребенок» и «Бен среди людей» с целью определения содержания культурного контекста, с которым соотносится диалогия в синхроническом и диахроническом аспектах, а также выявление значения диалогической переклички с произведениями разных эпох для раскрытия проблематики произведений и их художественного своеобразия.

Методологической основой работы явились принципы сравнительно-исторического, сравнительно-типологического, культурно-исторического методов, в качестве теоретической базы использованы труды М.М. Бахтина: романы Д. Лессинг исследуются с позиции теории о диалогичности художественного текста и культуры в целом.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в качестве учебного материала при формировании содержания историко-литературных курсов в рамках вузовской практики и дополнительного образования.

Основная часть

Круг источников создания дилогии во многом определен самой писательницей, которая неоднократно комментировала ее замысел. Презентуя роман «Пятый ребенок» в 1988 году, Дорис Лессинг подчеркивала, что он был написан под влиянием трагических событий XX века и имеет автобиографический подтекст. Он посвящен истории распада семьи Ловаттов, подобно тому, как «войны разрушили прекрасный домашний очаг со всеми любящими детьми» самой писательницы [7]. Образ Бена возник под влиянием эссе американского антрополога, натуралиста и поэта Лорена Айзли (1907–1977) о неандертальской девочке и разнообразных мифов об антропоморфных существах. Лессинг признавалась: «Я всегда была очарована легендами о карликах, гномах и гоблинах. И потом я читала эссе Лорена Айзли, где он рассказывал о прогулке в сумерках по морскому побережью штата Мэн. Он думал о Ледниковом периоде и вдруг увидел девочку. Он сказал себе: «Это девочка Ледникового периода». Он допускал, что ген может сработать через столетия» [8]. Очерк Л. Айзли, содержащий небольшую зарисовку-наблюдение, стал поводом для постановки развернутого художественного эксперимента. В мифологической традиции писательница усматривала то же отражение памяти людей о доисторическом прошлом, что неоднократно подтверждалось открытиями палеонтологов и археологов XX века: «Откуда взялись наши сказки о маленьких людях? Они на чем-то основаны. Так что я думаю, что маленькие люди существовали. И мы называли их феями, троллями или как-то еще. Но я уверена, что они были здесь. Почему в каждом втором саду есть гномы? Что мы вспоминаем? Мы вспоминаем, что почти забыто» [9].

Реальное и мифологическое переплетается в характеристике Бена и в тексте самой дилогии. Так, мать героя Гарриет объясняет необычность сына проявлением атавизма: «Гарриет казалось, что сквозь Бена она смотрит на расу, которая достигла своего расцвета за тысячи и тысячи лет до того, как его достигло человечество <...>. Может, народ Бена жил в подземных пещерах, когда на Земле воцарился ледниковый период, ловил рыбу в темных пещерных реках, или они выбирались на колючий снег поставить ловушку на медведя или на птицу – или даже на человека?» [10, с. 187]. При близком общении к подобному выводу приходят и герои романа «Бен среди людей»: «Бен не человек, даже если большую часть времени

-ведет себя по-человечески. Но он и не животное. Он – какой-то атавизм. Если племя древних людей скорее похоже на животных, как Бену удавалось жить по-человечески – по крайней мере, большую часть времени?» [11, с. 201]. Эти параллели с работой Л. Айзли заставляют связать проблематику романа с вопросами антропологии XX века, которая под влиянием событий двух мировых войн отказалась от просветительских концепций оптимистического эволюционизма. Немотивированное зло, агрессия теперь представляются качествами, которые генетически заложены в человеке, что заостряет вопрос о истоках нравственности людей и ставит под сомнение их мораль как эволюционное преимущество перед остальными видами homo.

Из литературных источников Дорис Лессинг неоднократно называла знаменитый роман М. Шелли «Франкенштейн», подчеркивая сходство в логике развития сюжета: «У вас есть совершенно невозможная предпосылка, а затем вы пишете с предельным реализмом, как будто это правда. <...> Мэри Шелли сделала следующее: взяла всю эту чепуху о замках с привидениями и придала ей мощный реализм» [12]. В случае с диалогией о Бене фантастическим элементом выступает появление необычного ребенка с атавистическими признаками доисторического человеческого вида, чья судьба сначала раскрывается в конкретно социально-исторических условиях Британии эпохи тэтчеризма, а затем в масштабах всего цивилизованного мира конца XX века. В целом история создания романов свидетельствует о синтезе документального (автобиографического), научно-популярного (антропологическая теория Л. Айзли), мифологического и художественного начал с целью раскрытия поставленных автором проблем. Кроме того, замысел произведения указывает на то, что диалогия о Бене Д. Лессинг вступает в сложный полилог как с предшествующей литературой, так и современной автору культурой.

Анализ высказываний писательницы разных лет свидетельствует о единстве замысла произведений, который не претерпевает изменений за двенадцать лет, разделяющих создание частей диалогии. В то же время даже для рядового читателя очевидна существенная разница между ними и в системе образов, и в трактовке персонажей, и в художественном своеобразии. На первый взгляд, их соотношение определяется жанровым каноном традиционного романа воспитания, что находит отражение в названиях романов. «Пятый ребенок»

посвящен детским годам Бена и ограничен кругом семьи, в финале герой покидает семью и уходит «в люди». События второго романа, дословный перевод которого существенно отличается от оригинала («Бен в миру»), происходят спустя два года, когда, лишившись работы, восемнадцатилетний Бен пытается встретиться с матерью и вернуться домой. Художественное пространство этого произведения определяется мотивом дороги и включает другие страны и даже континенты, герой оказывается среди людей разных национальностей, социальных групп и профессий. Образ матери Бена и ненавистного ему брата Пола появляются лишь эпизодически, и автор больше не вернется к судьбе семьи Ловаттов. Кардинально изменится главный герой, что не получит никакой психологической мотивировки. Теперь это не тиран, который разрушил «чудо семьи» [см. подробнее 13, с. 217], а скорее простодушный, естественный человек, чьи попытки приспособиться к жестокому цивилизованному миру и найти свое место в нем обречены на неудачу. Бен из главаря банды малолетних преступников в финале первого романа превращается в существо страдающее, бесконечно одинокое. Без видимой причины он сдерживает свою природную агрессию и выступает жертвой недобросовестных работодателей, преступных дельцов, творческого и научного эксперимента, даже уличных мальчишек. В глазах окружающих он теперь больше похож не на гнома или тролля, а на йети, представителя другой расы, вида.

С точки зрения художественного своеобразия, в романе 2000 года Лессинг отходит от жанра социально-психологического романа, в новой части дилогии событийный план преобладает над психологической разработкой характеров, образы отличаются схематичность, одномерность, символизм деталей уступает место аллегории, однозначности. Все это послужило поводом для всесторонней критики романа и его негативной оценке как творческой неудаче [14]. Данная точка зрения является крайней и оторвана от рассмотрения романа в контексте творческой эволюции Дорис Лессинг, которая отличалась, по мнению американского профессора Дж. Плотца, стремлением к эксперименту художественному и мысленному: «Дорис Лессинг – великая недооцененная романистка-экспериментатор последних шестидесяти лет. Называя Лессинг экспериментатором, я ставлю ее в один ряд не столько с такими писателями-фантастами, как Сэмюэл Беккет, Хорхе Луис Борхес и Жорж Перек, сколько с такими учеными, как Эрнест

Резерфорд, Мария Кюри, Луи Пастер <...>. Ученые различают эксперименты, проводимые *in vivo*, *in vitro* (в пробирках) и *in silico* (с помощью компьютерного моделирования). Лессинг предлагает нам эксперименты в *libro*» [1]. В романе «Бен среди людей» автор ставит новый эксперимент: фокус смещается с семейной темы на оценку состояния всего общества, поэтому каждая из частей диалогии актуализирует свой особый спектр культурных традиций.

В первом переплетаются сюжетные традиции волшебной сказки и готического романа. Изначально Дэвид и Гарриет Ловатты воспринимают свою судьбу как воплощенную в жизнь сказку. Для Гарриет ее муж подобен принцу, который «вручил ей ключи от ее королевства» [10, с. 13]. В их большом викторианском доме, который они сравнивают с «удивительным королевством», «крепостью», царит чудесная атмосфера счастья, любви, единения. Супруги – сознательные эскаписты, которые намерены «повторить в современных условиях романтическое утверждение о доверии природе как колыбели и ориентире для человечества» [4, с. 130]. Идеал гармонии с природой, веру в безграничные возможности личности и семьи как частной утопии, утвержденной поэтами-лейкистами, они противопоставляют враждебному внешнему миру «жадных и эгоистичных шестидесятых» [10, с. 29]. Но мечтам героев о счастье изначально противопоставляются мотивы готического романа: гостям Ловаттов дом представляется «удручающим и отвратительным» [10, с. 19], мрачную атмосферу создает и заросший сад, окружающий дом. Доверие героев «природе» оборачивается не гармонией, а столкновением с чудовищным, иррациональным: их пятый ребенок Бен «не был хорошеньким младенцем» [10, с. 60], он не проявляет естественных человеческих чувств, обладает невероятной физической силой, агрессивен к посторонним и инстинктивно привязан к матери. Описывая взросление Бена, Лессинг последовательно отвергает христианский миф о ребенке-спасителе и романтическую идеализацию детства как источника непорочности [15], что позволяет рассматривать роман как развитие традиции, заложенной У. Голдингом в романе «Повелитель мух» (1954) и продолженной младшими современниками И. Макьюэном («Цементный садик», 1978), Г. Свифтом («Земля воды», 1983).

Появление монструозного Бена в идеальной семье Ловаттов, фамилия которых ассоциируется с любовью, доказывает иллюзорность попытки укрыться от болезней современной им

цивилизации. Он является одновременно порождением темной природы и отражением внешнего социального хаоса. Будучи подростком, Бен становится главарем банды малолетних преступников, которые также необучаемы, склонны к насилию и агрессии, напоминая героев антиутопии «Заводной апельсин» (1962) Э. Берджесса. Парадоксальным образом патология Бена оказывается социальной нормой в условиях Англии эпохи тэтчеризма, в то время как гуманистические, «естественные» ценности семьи Ловаттов – их стремление к многодетности, семейной идиллии – предстают аномалией, нежизнеспособной в данных социальных условиях. Таким образом мотивы антиутопии в творчестве Лессинг трансформируются из предупреждения о возможном будущем в диагноз и форму протеста против цивилизации, в которой сама возможность гуманистического идеала оказывается поставленной под сомнение.

Во второй части дилогии «Бен среди людей» доминирующее значение в построении сюжета занимают мотивы плутовского романа: герой не по своей воле вовлечен в большое путешествие, хронотоп романа построен на мотиве дороги, противопоставленной образу недостижимого дома, обрести который мечтает Бен. Первоначально из Англии он направляется во Францию с контрабандным грузом наркотиков. Там он знакомится с кинорежиссером, который переживает творческий кризис и неожиданно вдохновлен необычной внешностью Бена. Во Франции Бен понимает, что «в Лондоне, в его родной стране больше никто не улыбнется, увидев его. Бен вспоминал комнату миссис Биггс, там он был счастлив, когда присматривал за ней, вспоминал Риту, ее доброту, потом собственный дом, но как только представил мать, увидел и ту сцену, когда она сидела на скамейке в парке и похлопывала по ней, чтобы Пол подошел и сел рядом. Пол, образ ненавистного брата разросся и заполнил все воображение Бена, вызывая помыслы об убийстве» [11, с. 92]. Поэтому он вынужден подчиниться авантюрной идее Алекса. Они направляются в Бразилию, чтобы найти подходящее место для съемок фильма о доисторических временах. Здесь Бен становится объектом преследования профессора Гомлаха, одержимого желанием завладеть Беном для проведения научного эксперимента. Его неистовство и жестокость, натуралистичное описание страданий животных, находящихся в его лаборатории, напоминают образы демонических

ученых, мнящих себя демиургами, из романов Г. Уэллса [16, с. 166]. Приключения в романе представляют собой череду обманов, насилия над наивным Беном, который выступает в роли простака, отверженного. Следуя традициям писателей-просветителей, Лессинг демонстрирует изъяны современного общества путем его изображения в восприятии простодушного. Точка зрения Бена здесь является преобладающей, он выступает жертвой людей, которые как вид не способны на сочувствие и понимание. В этом аспекте содержание романа Д. Лессинг вторит идеям притчи У. Голдинга «Наследники» (1955), в которой представлена гипотеза о том, что неандертальцы не выдержали эволюционной конкуренции с коварными и жестокими *homo sapiens* и были уничтожены ими в борьбе за существование.

С художественной точки зрения, вторая часть диалогии о Бене отличается преобладанием принципов поэтики суфийской притчи, в которой отсутствуют описательность, психологический детерминизм, акцент перенесен на события, диалог, парадоксальность ситуации, «призванную изменить форму самого мыслительного процесса» [17]. В финале романа, отчаявшись найти дом и сородичей, осознав, что в очередной раз стал жертвой обмана, Бен кончает жизнь самоубийством в горах Бразилии. Завершается повествование репликами героев, которые сопровождали Бена. Они не испытывают сожаления и хладнокровно замечают: «Кондоры от него немного оставят. Не важно, – ответил Хосе, – чтобы понять о человеке все, им достаточно небольшой части от фаланги его пальца» [11, с. 254]. Знаменитая фраза палеонтолога Ж.Л. Кювье, ставшая основой метода художественной типизации О. Бальзака, приобретает в данном контексте глубоко ироничное значение. Сам человек остается загадкой для современной антропологии, вместе с тем он лишен способности к эмпатии и принятию иного сознания, поведения. Тереза откровенно признается, что «я знаю, что все мы рады тому, что он умер, и нам не придется больше о нем думать» [11, с. 254]. Финальная фраза является нравственным укором читателю, который самостоятельно должен найти ответы на поставленные вопросы.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, использование различных форм интертекстуальных связей,

устойчивых сюжетных моделей, типов героев, элементов мифопоэтики позволяет соотнести диалогию Дорис Лессинг с широким культурным контекстом, включающим художественные элементы средневековой суфийской притчи, мотивы и образы европейского фольклора и романа XVIII–XIX веков различной жанровой природы. Благодаря этому события романов, имеющие конкретно историческую и социальную отнесенность, ограниченные временными рамками короткой жизни Бена, перерастают в подведение итогов всего XX столетия. Во-вторых, романы Д. Лессинг о Бене вступают в диалог с произведениями современников писательницы. Как и У. Голдинг, И. Макьюэн, она решает нравственные и социальные вопросы в соотнесении с достижениями антропологии XX века. В жанровом отношении диалогия оказывается в одном ряду с романами Д. Оруэлла, Д. Берджеса, У. Голдинга благодаря синтезу элементов антиутопии и притчи, которые в творчестве Лессинг обогащаются традициями восточной литературы. Образы Бена и Пола, профессора Гомлаха дополняют галерею образов детей [15] и ученых в романах английских писателей XX века.

В-третьих, значительное культурное наследие подвергается в указанных романах Лессинг творческой переработке и его восприятие представляется противоречивым. С одной стороны, многие из традиций литературы эпохи Просвещения продолжают оставаться продуктивными в рамках художественного мира Д. Лессинг: художественное осмысление антропологических проблем в духе Д. Дефо и Дж. Свифта; заострение актуальных социальных вопросов посредством изображения современного мира глазами «простодушного» в традициях Вольтера; мотивы приключений и путешествия плутовского романа как форма широкого охвата действительности; утверждение взаимообусловленности социального и индивидуального, природного и духовного в русле реалистической концепции. С другой, автор разрушает гармонирующую логику развития сюжета классического романа воспитания, опровергает оптимистический пафос просветительской философии: главному герою Бену так и не удастся найти свое место в обществе и мире, в диалогии не намечены пути решения поставленных социальных проблем.

В целом переосмысление классических художественных форм (моделей сюжетов, систем образов, мотивов) часто носит в диалогии

провокационный характер, поскольку оно ставит под сомнение представления читателей, относящихся к разряду очевидных, базовых истин: безотносительная любовь родителей к детям, безусловное счастье материнства, семейные ценности как духовная опора человека, сострадание к другим людям как основа человечности. Но идейное содержание диалогии о Бене не сводится к постмодернисткой констатации утраты всех смыслов. В духе суфийской притчи, «призванной отвлечь читателя или слушателя от привычного и часто ограниченного образа мыслей» и «пробудить его воображение» [17, с. 314–316], Лессинг стремится направить своих читателей на поиск новых решений фундаментальных проблем: что отличает человека от других существ, способен ли он к состраданию, готов ли он к принятию чужого опыта и мировоззрения, каковы цели его существования.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы представляются в рассмотрении жанрового своеобразия диалогии Д. Лессинг в соотнесении с эволюцией притчи в литературе Великобритании второй половины XX века, также в изучении специфики ориентализма в ее творчестве в контексте предшествующей традиции.

Список литературы

1. Plotz J. Feeling Like a Stoic: Doris Lessing's Experimental Fiction // Public Books. 8.07.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.publicbooks.org/feeling-like-a-stoic-doris-lessings-experimental-fiction> (дата обращения: 13.07.2025).
2. Turner E. Lessing, Doris // The Encyclopedia of Postcolonial Studies. Wiley–Blackwell. 2016. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/373449787_Lessing_Doris (дата обращения: 13.07.2025).
3. Brevet A.-L. «The shadow of the fifth»: patterns of exclusion in Doris Lessing's The Fifth Child // La Clé des langues. [Электронный ресурс]. URL: <https://cle.ens-lyon.fr/anglais/the-shadow-of-the-fifth-patterns-of-exclusion-in-doris-lessing-s-the-fifth-child-136883.kjsp> (дата обращения: 13.07.2025).
4. Gamallo I.C. Anievas. Motherhood and the Fear of the Other: Magic, Fable and the Gothic in Doris Lessing's The Fifth Child // Theme Parks, Rainforests and Sprouting Wastelands: European Essays on Theory and

- Performance in Contemporary British Fiction / Ed. Richard Todd, Luisa Flora. Vol. 123. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 2000. P. 113–125.
5. Tiger V. Cultures of occupation and the Canadian [con]script[ion]: «Lessing changed my life» // In Pursuit of Doris Lessing: Nine Nations Reading / Ed. Claire Sprague. New York: St. Martin's Press, 1990. P. 89–101.
6. Hanson C. Catastrophic Universe: Lessing, Posthumanism and Deep History // Doris Lessing and the Forming of History / Ed. Kevin Brazil, David Sergeant, Tom Sperlinger. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 164–180. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474414432.003.0013> (дата обращения: 13.07.2025).
7. Rothstein M. The Painful Nurturing of Doris Lessing's «Fifth Child» // The New York Times. June 14, 1988. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nytimes.com/books/99/01/10/specials/lessing-child.html> (дата обращения: 13.01.2026).
8. Kizer C. Bad News For the Nice and Well-Meaning // The New York Times. April 3, 1988. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nytimes.com/books/99/01/10/specials/lessing-fifth.html> (дата обращения: 13.01.2026).
9. Mullan J. Transcript from an Interview with Doris Lessing on 14 April 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2007/lessing/25432-interview-transcript-2007/> (дата обращения: 13.07.2025).
10. Лессинг Д. Пятый ребенок / Пер. с англ. Н. Мезина. М.: Эксмо, 2010. 192 с.
11. Лессинг Д. Бен среди людей / Пер. с англ. Ю. Федорова. М.: Эксмо, 2017. 256 с.
12. Linfield S. Against Utopia: An Interview with Doris Lessing // Salmagundi. 2001. № 130/131. P. 59–74. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/40549332> (дата обращения: 13.07.2025).
13. Шанина Ю.А. Роман Д. Лессинг «Пятый ребенок» в контексте культурной традиции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37). Ч. I. С. 216–219.
14. Kakutani M. His Weirddness Attracts Types Even More Weird // The New York Times. Aug. 8, 2000. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/library/books/080800lessing-book-review.html> (дата обращения: 13.07.2025).

15. Шанина Ю.А. Архетип ребенка в английской литературе второй половины XX века // Культура и текст. 2014. № 1 (16). С. 68–88.
16. Попова А.О., Шанина Ю.А. Творчество отечественных писателей-фантастов в контексте традиций Г. Уэллса // Система непрерывного филологического образования: школа-колледж-вуз. Современные подходы к преподаванию дисциплин филологического цикла в условиях полилингвального образования: Сборник научных трудов по материалам XXII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Уфа, 14–15 апреля 2022 года. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2022. С. 162–166.
16. Hardin N.Sh. Doris Lessing and the Sufi Way // Contemporary Literature. 1973. Vol. 14. № 4. P. 314–325. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/i251673> (дата обращения: 13.07.2025)

References

1. Plotz J. Feeling Like a Stoic: Doris Lessing's Experimental Fiction. In: Public Books. 8.07.2012. URL: <https://www.publicbooks.org/feeling-like-a-stoic-doris-lessings-experimental-fiction> (date of access: 13.07.2025). (In English)
2. Turner E. Lessing, Doris. In: The Encyclopedia of Postcolonial Studies. Wiley–Blackwell. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/373449787_Lessing_Doris (date of access: 13.07.2025). (In English)
3. Brevet A.-L. «The shadow of the fifth»: patterns of exclusion in Doris Lessing's The Fifth Child. In: La Clé des langues. URL: <https://cle.ens-lyon.fr/anglais/the-shadow-of-the-fifth-patterns-of-exclusion-in-doris-lessing-s-the-fifth-child-136883.kjsp> (date of access: 13.07.2025). (In English)
4. Gamallo I.C. Anievas. Motherhood and the Fear of the Other: Magic, Fable and the Gothic in Doris Lessing's The Fifth Child. In: Theme Parks, Rainforests and Sprouting Wastelands: European Essays on Theory and Performance in Contemporary British Fiction / Ed. Richard Todd, Luisa Flora. Vol. 123. Amsterdam; Atlanta: Rodopi Publ., 2000, pp. 113–125. (In English)
5. Tiger V. Cultures of occupation and the Canadian [con]script[ion]: «Lessing changed my life». In: In Pursuit of Doris Lessing: Nine Nations

- Reading / Ed. Claire Sprague. New York: St. Martin's Press Publ., 1990, pp. 89–101. (In English)
6. Hanson C. Catastrophic Universe: Lessing, Posthumanism and Deep History. In: Doris Lessing and the Forming of History / Ed. Kevin Brazil, David Sergeant, Tom Sperlinger. Edinburgh: Edinburgh University Press Publ., 2016, pp. 164–180. URL: <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9781474414432.003.0013> (date of access: 13.07.2025). (In English)
 7. Rothstein M. The Painful Nurturing of Doris Lessing's «Fifth Child». In: The New York Times. June 14, 1988. URL: <http://www.nytimes.com/books/99/01/10/specials/lessing-child.html> (date of access: 13.01.2026). (In English)
 8. Kizer C. Bad News For the Nice and Well-Meaning. In: The New York Times. April 3, 1988. URL: <http://www.nytimes.com/books/99/01/10/specials/lessing-fifth.html> (date of access: 13.01.2026). (In English)
 9. Mullan J. Transcript from an Interview with Doris Lessing on 14 April 2008. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2007/lessing/25432-interview-transcript-2007/> (date of access: 13.07.2025). (In English)
 10. Lessing D. Pyatyy rebenok [The Fifth Child] / Transl. from English by N. Mezin. Moscow: Eksmo Publ., 2010. 192 p. (In Russ.)
 11. Lessing D. Ben sredi lyudey [Ben, in the World] / Transl. from English by Yu. Fedorov. Moscow: Eksmo Publ., 2017. 256 p. (In Russ.)
 12. Linfield S. Against Utopia: An Interview with Doris Lessing. In: Salmagundi. 2001. no. 130/131, pp. 59–74. URL: <https://www.jstor.org/stable/40549332> (date of access: 13.07.2025). (In English)
 13. Shanina Yu.A. Roman D. Lessing «Pyatyy rebenok» v kontekste kul'turnoy traditsii [D. Lessing's novel «The Fifth Child» in the context of cultural tradition]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. no. 7 (37). Part I, pp. 216–219. (In Russ.)
 14. Kakutani M. His Weirdness Attracts Types Even More Weird. In: The New York Times. Aug. 8, 2000. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/library/books/080800lessing-book-review.html> (date of access: 13.07.2025). (In English)
 15. Shanina Yu.A. Arkhetip rebenka v angliyskoy literature vtoroy poloviny XX veka [The archetype of the child in English literature of the

second half of the 20th century]. In: Kul'tura i tekst. 2014. no. 1 (16), pp. 68–88. (In Russ.)

16. Popova A.O., Shanina Yu.A. Tvorchestvo otechestvennykh pisateley-fantastov v kontekste traditsiy G. Uellsa [The work of Russian science fiction writers in the context of H. Wells's traditions]. In: Sistema nepreryvnogo filologicheskogo obrazovaniya: shkola-kolledzh-vuz. Sovremennye podkhody k prepodavaniyu distsiplin filologicheskogo tsikla v usloviyakh polilingval'nogo obrazovaniya: Sbornik nauchnykh trudov po materialam XXII Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ufa, 14–15 aprelya 2022 goda [The system of continuous philological education: school-college-university. Modern approaches to teaching philological disciplines in the context of polylingual education: Collection of scientific papers based on the materials of the XXII All-Russian scientific and practical conference with international participation, Ufa, April 14–15, 2022]. Ufa: Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla Publ., 2022, pp. 162–166. (In Russ.)

17. Hardin N.Sh. Doris Lessing and the Sufi Way. In: Contemporary Literature. 1973. Vol. 14. no. 4, pp. 314–325. URL: <https://www.jstor.org/stable/i251673> (date of access: 13.07.2025). (In English)

REPRESENTATION AND REINTERPRETATION OF CULTURAL TRADITIONS IN D. LESSING'S DILOGY ABOUT BEN

Y.A. Shanina

Shanina Yulia Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Literature at the Institute of Philological Education and Intercultural Communications, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3857-0749>; e-mail: shanina.julia.a@gmail.com

The aim of this study is to investigate the forms of cultural representation in the novels «The Fifth Child» (1988) and «Ben, in the World» (2000) by Doris Lessing (1919–2013) in order to determine the cultural context with which the diology correlates in the synchronic and diachronic aspects, as well as to establish the meanings of dialogical overlap with works of different eras. This will help to understand the problematic of these novels and their artistic

originality. The novelty of this research lies in its comprehensive analysis of Doris Lessing's dilogy about Ben. This analysis will allow us to trace the evolution of her writing and determine the significance of these works within the history of English literature of the last third of the 20th century. Based on the research, the idea behind the novels can be seen as a synthesis of different types of material, such as documentary, popular science, mythology, and art. The author uses various forms of intertextual connections, common plot patterns, and types of characters to create a complex work that can be correlated with a wide range of cultural contexts. This includes elements from medieval Sufi parables, European folklore, and 18th and 19th century literature. As a result, Doris Lessing's work engages in a complex dialogue with both previous literature and contemporary culture, while also maintaining an ambivalent relationship with tradition. While some aspects of social criticism, interdependence between the social and individual, and anthropological themes remain relevant, the writer also explores new ideas and perspectives. On the other hand, the author disrupts the harmonious logic of the plot development in the novel, refuting the optimistic pathos of the enlightenment philosophy. The main character, Ben, still fails to find his place in society and the world, and the dilogy doesn't provide solutions to the social problems presented. By analogy with the Sufi parable, Lessing seeks to challenge stereotypical ideas and encourage the reader to seek answers to fundamental questions about human nature, compassion, and the purpose of life on their own.

Keywords: English novel, dialogue of cultures, D. Lessing, «The Fifth Child», «Ben, in the World», tradition.